

Т Р У Д Ы
ПЕРВОЙ СЕССИИ АРАБИСТОВ

14—17 июня 1935 г.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ • XXIV

И. КРАЧКОВСКИЙ

ИСТОРИЯ АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЕЕ ЗАДАЧИ В СССР

Мое настоящее сообщение об истории арабской литературы и ее задачах в нашей стране вызвано двумя обстоятельствами. Когда возникла идея сессии арабистов, нам казалось желательным подвести хотя бы по некоторым областям арабистики итоги, характеризовать состояние их разработки, тем самым наметив прежде всего для самих себя дальнейшие пути движения. По всем областям осуществить этого не удалось, так как не всегда специалисты брались с охотой за соответствующую тему; это и не было необходимо, так как на ряду с докладами общего порядка чувствовалась потребность дать сообщения по конкретным частным вопросам, характеризующим работу, которая ведется отдельными исследователями, поделиться сделанными ими открытиями. История литературы приобрела значение, выходящее за пределы одной специальности; понимаемая как история письменности вообще, она могла послужить полезной параллелью для ряда связанных с письменными источниками дисциплин. Одновременно с этим соображением общего порядка мой доклад стимулирован и другим обстоятельством реального, личного характера. В этом году впервые после более чем десятилетнего перерыва на Лингвистическом факультете Института философии, лингвистики и истории возобновлено самостоятельное преподавание истории арабской литературы, притом со значительно более расширенной программой, чем раньше, с расчетом на четыре года. Впервые после долгого промежутка, подводя итоги для самого себя и стараясь формулировать их слушателям, я мог заметить с радостью несомненное оживление в этой области мировой науки за последние десятилетия, но также должен был констатировать с большой грустью наше отставание от этого движения, нагнать которое с каждым моментом становится труднее.

Сегодня, в аспекте работ сессии арабистов, я постараюсь обрисовать обе эти мысли с теми выводами, которые, на мой взгляд, вытекают сами собой. Сделать это нужно тем более, что именно на глазах нашего поколения развивалось все это движение; именно начало двадцатого века дало сильный толчок, поставив веху нового периода, который продолжается и теперь, когда с каждым годом все отчетливее чувствуется приближение другого периода, еще не оформившегося, но близкого к назреванию.

Такой вехой, поставленной на рубеже двух веков, явилась „История арабской литературы“ Brockelmann'a — свод, подводивший итоги всего доступного тогда материала. Встреченная сдержанно, иногда суровой критикой, она быстро оказалась необходимым пособием в нашей области. Все чувствуют ее недостатки; трудно найти арабиста, который, обращаясь к ней, почти каждый раз не раздражался бы от мелких и крупных недоразумений, от пропусков и опечаток, но нет ни одного арабиста в нашей области, который мог бы обойтись без нее. Наука настолько к ней привыкла, что нам теперь даже трудно себе представить, как можно было работать по истории литературы, пока не было книги Brockelmann'a.

Она вызвала известное увлечение общими обзорами и курсами литературы, которые появляются целой пачкой около этого времени: вслед за немецким самого Brockelmann'a (1901 г.) идет французский Huart'a (1902 г.), итальянский Pizzi (1903 г.), английский Nicholson'a (1907 г.), сербский Goldziher'a (1909 г.). У нас в тех же годах А. Е. Крымский начинает создавать ряд пособий, которые до последних дней остаются единственными общими обзорами на русском языке. Постепенно в Европе волна увлечения большими курсами, вызванная книгой Brockelmann'a, начинает спадать, во 2-м и 3-м десятилетия XX в. они появляются только единицами. Работа направляется больше вглубь, по линии укрепления базы и аналитических исследований. Общий характер картины теперь уже не тот, что на рубеже века. Самое понятие литературы, правда, меняется мало. Когда речь идет о средневековом феодальном периоде, она попрежнему изучается в составе всей письменности, но когда обращаются к литературе XIX—XX вв., здесь наступает естественная дифференциация с преимущественным вниманием к литературе художественной, отчасти к произведениям, характеризующим реформистские течения в исламе.

Мало меняя отношение к существу предмета, современное оживление особенно глубоко и планомерно захватывает изучение сохранившихся материалов, в первую очередь рукописей. На Западе крупные рукописные собрания в общем можно считать описанными и введенными в обиход науки; наступает очередь или более мелких или недавно возникших, иногда крупных собраний; изредка появляются издания переработанных по требованиям современной науки старых каталогов. На протяжении немногих лет мы получаем каталоги Тюбингена, Бреслава, Манчестера, коллекции Browne'a в Кембридже, Упсалы и др. Все они приносят интересные новинки, все они — иногда одним открытием освещают казавшиеся темными для наших предшественников вопросы. На ряду с этими важными, но все же отдельными единицами, совершенно исключительное, можно сказать, эпохальное значение приобретает начатое недавно систематическое изучение рукописей в Стамбуле. Результаты его уже теперь, поистине, колоссальны. Если другой крупный рукописный центр — Каир был все же хоть несколько известен, не столько по мало удовлетворительным индексам, сколько благодаря большим связям с ним

арабистов, то про Стамбул до последнего времени этого сказать было нельзя. Уже первое десятилетие XX в., благодаря отдельным заметкам жившего в Стамбуле арабиста О. Rescher'a, дало возможность почувствовать все богатство хранящихся там сокровищ. После войны поселившийся там ориенталист Н. Ritter начал планомерное исследование сперва индивидуально, а затем как член стамбульского филиала Немецкого востоковедного общества. Почти каждый номер „Der Islam“ и других изданий приносил и приносит его статьи со сведениями о неожиданных открытиях в самых разнообразных областях письменности, начиная с арабских научных переводов с санскритского и греческого, произведений художественной литературы и кончая специальными трактатами по минералогии, стратегии и спорту. Можно смело сказать, что за последнее десятилетие нет почти ни одного крупного арабского текста в Европе, в котором Ritter не принял бы участия или сам или открытыми им стамбульскими материалами. За последнее время дело становится на прочную базу: турецкое правительство организовало особую комиссию для составления научного каталога стамбульских рукописей. Можно надеяться, что колоссальная, важнейшая работа будет доведена до конца и 70 тысяч рукописей войдут в обиход науки. Одно их количество уже говорит о том, что это является целой эпохой для всей истории арабской литературы, как такую же эпоху в отдельных областях открывали и некоторые частичные находки Ritter'a.

Не менее, чем внимание к рукописным собраниям, характерно для современного движения в истории литературы стремление к созданию объединяющих сводов и вспомогательных пособий. Некоторые из них выходят за пределы арабистики. Достаточно назвать „Энциклопедию ислама“, близкую к своему завершению. Начатая печатанием в 1908 г., она испытывает судьбу, похожую на „Историю арабской литературы“ Brockelmann'a: все пользующиеся ею ясно видят ее недостатки, но тем не менее все в нашей области должны к ней обращаться, так как другого аналогичного пособия нет, и по мере приближения к окончанию значение ее повышается. В области более специальной одно громадное предприятие едва лишь начато осуществлением: издание конкорданса и индексов ко всем основным сборникам сунны. Работа была начата по инициативе голландских арабистов, попрежнему являющихся главным организующим центром в нашей области, еще в 1916 г. Велась она группой в составе 40 арабистов Европы, Америки и арабских стран. Закончена она была к началу 30-х годов, издание взяла на себя Union Académique Internationale при поддержке Академий Наук различных стран. Для научного наблюдения была составлена международная комиссия из 14 арабистов. Издание, начатое печатанием в 1933 г., рассчитано на десять лет по два-три выпуска in-folio ежегодно с 10 печатными листами в каждом. Это предприятие сразу вдвигает в науку колоссальный и раньше совершенно недоступный для обозрения отдельным человеком материал. Классифицированный во всех

деталей, анатомически разложенный на составные части, этот материал обогащает не только специальные области исламоведной письменности, лингвистики и литературы, он в такой же мере расширяет горизонт историка и социолога, доставляет твердую базу для лексикографа. Другого, столь же крупного предприятия в этой области на протяжении всей истории арабистики я не знаю; конкорданс к Корану основан на меньшем в неисчислимом числе раз материале и построен по менее совершенной системе. Индивидуальными усилиями приближается к концу другое, более скромное начинание аналогичного характера — указатель к поэтическим цитатам в произведениях арабской грамматической литературы, издаваемый А. Fischer'ом. Он представляет своего рода ключ к давно подготовленному им словарю классического литературного языка, появление которого составит в нашей области несомненно такую же эпоху, как в свое время выход словаря Lane'a. Значение указателя, который будет закончен через два года, в своей области очень велико, он и теперь уже сильно облегчает работу, что понятно всякому, кому приходилось иметь дело с поэтическими цитатами или намеками, разбросанными не только в произведениях художественной литературы, но и в самых разнообразных арабских сочинениях, вплоть до медицинских или математических. Можно было бы значительно продолжить перечисление аналогичных работ, хотя и более мелкого масштаба; приведенные примеры говорят, с какой настойчивостью работы ведутся, иногда в очень сложных условиях, насколько они облегчают предварительные стадии научных исследований будущих поколений, какую интересную эпоху в этом смысле арабисты переживают.

Не ко всем областям истории арабской литературы интерес, конечно, одинаков. Если в начале века на первом плане стояли дисциплины филологические, с которыми начали соперничать исламоведные, то теперь положение переменяется: гегемония перешла к истории точных и естественных наук, на ряду с которыми сохраняют свое положение исламоведные и значительно отступает на задний план литература художественная и связанная с ней филология. И здесь также характерно, как в помянутых областях, появление больших сводов и создание крупных Corpus'ов. Во главе надо поставить широко задуманное произведение, которое интересует не одну только арабистику — „Введение в историю науки“ бельгийца Sarton'a, издаваемое Институтом Carnegie в Вашингтоне. Оно представляет синхронистический обзор с библиографическими данными всей научной продукции в мире с древнейших времен, включая кроме медицины, естественных и точных наук — религию, философию, педагогику, музыку, географию, историю, филологию, право и социологию, — строго говоря все основные отрасли письменностей, кроме художественной литературы. Два вышедших тома (в общей сложности до 3000 страниц) доводят изложение до XIII в. включительно, т. е. захватывают основной творческий период развития арабской культуры. На ряду со своим сводом Sarton редактирует посвященный истории мировой науки орган Isis; около

него и около международной комиссии по истории знания группируются главные начинания арабистического характера в этой области. Предпринято большое издание *Corpus'a* арабских медиков, одинаково важное и для арабистики и для истории европейской культуры и для медицины; упомянутая уже *Union Académique Internationale* организует в общеевропейском масштабе составление каталога арабских алхимических рукописей. Работа действительно кипит и захватывает разные области широко и глубоко. В Египте географ и меценат Юсуф Кемаль организует грандиозное издание *Monumenta geografica Africae et Aegypti*, выполняемое трудами, главным образом, голландских ученых. Если атлас, выпущенный К. Miller'ом „*Marrae arabicae*“ должен считаться преимущественно, как показала критика, сводом сырого, иногда требующего проверки материала, то издание Юсуфа Кемалья, широко поставленное, не стесненное финансовыми возможностями, хотя и ограничивает свою задачу территориально, но тем не менее открывает новые пути и решает основательно ряд вопросов, связанных с историей арабской географической литературы. Во всех областях действуют теперь ученые, объединяющие специальные знания с филологической подготовкой, хорошо знакомые и с арабским и с европейским материалом; везде на почве серьезных аналитических изысканий даются синтетические построения, часто совсем меняющие прежние взгляды на историю культуры, стирающие грани между Востоком и Западом.

Если изучение арабской письменности, связанной с наукой, теперь идет впереди, то филология и художественная литература отступают на задний план. Быть может и сам доступный материал оказывается несколько исчерпанным. В области поэзии за два первых десятилетия Англия действовала особенно энергично, дав ряд монументальных изданий, как *Нақāиды аль-Ахтāля* и *Джерйра*, *аль-Муфаддалййāt* и серию отдельных диванов. Таких колоссальных текстов в таком количестве едва ли мы скоро дождемся. Отдельные издания во всех отраслях, конечно, продолжают, и некоторые из них заставляют нас как бы насторожиться, а иногда служат грозным предупреждением. В Англии начинают издавать отдельные тома того самого историка X века *аҫ-Сūли*, который был впервые открыт и исследован русской наукой; может быть близко время, когда без нашего участия будет издан и тот том, что хранится в Публичной библиотеке. По уника 6. Азиатского музея издана в Германии „История Египта“ *Ибн Ияса* (XVI в.). Число таких примеров растет, и они заставят нас сделать некоторые выводы во второй части доклада. На ряду с отдельными изданиями необходимо особо отметить важную в нашей области серию, которая основана Стамбульским филиалом Немецкого востоковедного общества. Обязанная больше всего усилиям уже упомянутого *Ritter'a*, она насчитывает за пять лет своего существования более десятка томов; она не побоялась включить в свой состав начало 30- томного биографического словаря *аҫ-Сафадй*. Особенно надо отметить ее исламоведные изда-

ния, тесно связанные с деятельностью недавно (1933 г.) погибшего семиолога G. Bergsträsser'a. Многим известна та судьба, которая постигла второе издание знаменитой „Истории Корана“ Nöldeke. Выпущенная в 1860 г., она почти на полвека определила движение науки в намеченном направлении. Когда возникла мысль о 2-м переработанном издании, по просьбе автора оно было поручено указанному им ученику — один умер, выпустив I том; второй, приглашенный на смену, погиб, не доведя до конца III тома. Этот том посвящен истории коранического текста. Для поставленной задачи Bergsträsser'ом была проделана колоссальная работа: им были изучены старейшие рукописи и фрагменты Корана, исследована современная традиция коранической рецитации, выпущено и подготовлено к печати несколько арабских сочинений, связанных с изучением текста. Ряд работ его и его учеников вышел в издании „Bibliotheca Islamica“, некоторые в других сериях; Баварская Академия Наук взяла на себя попечение над организованной им работой по составлению Apparatus criticus к Корану, которая, повидимому, не прервана и его смертью. С этими трудами мы получили возможность для текстуальной критики Корана; получили возможность обоснованно переводить Коран.

Расширяя внимание на все области письменности, иногда только поверхностно затронутые, современная история арабской литературы расширяет их хронологически, с полным правом вовлекая в круг своего ведения и новую литературу XIX — XX вв., которая еще несколько десятков лет тому назад считалась недостойной серьезного изучения. Большой сдвиг здесь произошел и не малую роль сыграли опубликованные у нас работы. В Европе даже успела создаться уже известная традиция в некоторых учреждениях, специально изучающих новую литературу. Среди них есть и старые, как Берлинский семинар восточных языков, есть и новые, как Французский институт в Дамаске. Об индивидуальных очагах тем более упоминать не приходится.

Углубление интереса к отдельным областям, изучение их в новом охвате выдвигает на первый план не столько общие курсы литературы, которые в таком количестве появились в начале века, сколько обзоры по отделам, областям или по географически и культурно выделяемым районам. Выходят лекции по исторической литературе D. Margoliouth'a, появляется ряд общих обзоров географической литературы, которые позволяют осветить эволюцию этой области во всей ее сложности очень ярким светом. Арабская литература в Испании получает всесторонние обзоры научно-популярного характера, такого достоинства и такой полноты, каких нельзя указать в других областях, в других категориях литературы. Сложные вопросы арабско-европейских взаимодействий связываются с этой областью жизненно, решение их дебатировается оживленно с различных сторон и опять-таки наше поколение присутствует при том, как из окутывающего раньше тумана вырисовываются более отчетливые очертания. На ряду с такой интенсивной разработкой отдельных областей, общие

обзоры редко вносят новое освещение в принятую раньше схему; учитывая, конечно, новые достижения науки, они чаще всего вызываются учебно-популярными целями. Таков полезный, мало доступный обзор Rescher'a, таков очень практичный и удачно составленный учебник Gibb'a. Даже количество отдельно выходящих историй арабской литературы гораздо меньше, чем в начале века; число статей в Энциклопедиях, конечно, попрежнему велико, и некоторые разрастаются до большого объема как, например, статья M. Guidi в „Enciclopedia Italiana“. И спрос и предложение отдельных обзоров истории арабской литературы сильно упал. Когда известное издательство Athenaeion в Германии задумало включить в свой „Handbuch“ литературы, редактируемый известным литературоведом O. Walzel'ем, историю арабской литературы, то оно обратилось к заграничному арабисту. Соглашение не состоялось в связи с вопросом о сроке, но показательно, что и теперь, хотя прошло больше пяти лет, в этой серии истории арабской литературы не появилось.

Характерны для современного оживления те области и моменты арабской литературы, которыми занимаются ее историки; не менее характерен и состав их, в котором мы видим периодические колебания сравнительно с началом нашего века. Количество их, конечно, неуклонно растет — по поверхностному подсчету в настоящее время можно указать за границей не менее 200 арабистов, известных трудами по арабской литературе, не считая специально лингвистов и исследователей других областей письменности.

Любопытно то, что ряд стран, раньше стоявших в стороне от общего движения, теперь выдвигается в первые ряды. Если в странах, получивших самостоятельность после войны, как Чехо-Словакия или Польша, число арабистов сравнительно ограничено, то, например, Испания, которая еще в начале века являлась в арабистике провинцией, если не захолустьем, теперь, благодаря созданию прочной преемственности и большому количеству арабистов, в некоторых областях начинает играть первенствующую роль. В дополнение к многочисленным университетским кафедрам, связанным с изучением арабской культуры, создаются две специальных высших арабистических школы типа научно-исследовательских институтов, в Мадриде и Гранаде; они развивают усиленную издательскую деятельность и даже основывают специальный журнал по арабистике — первый случай в истории мирового востоковедения. Этот журнал посвящен преимущественно изучению Магриба, т. е. арабской Испании и Северной Африки, но в нем находят себе место и работы по арабистике вообще, так же как в изданиях упомянутых школ. Возникновение первого специального органа в нашей области, хорошо организованного и прекрасно информированного — факт достаточно крупный и интересный. Италия, с 20-х годов выдвинула большое число арабистов. Здесь же с тех же 20-х годов, возник орган, посвященный современному Востоку, „Oriente Moderno“. Изредка в нем появляются материалы и по новой арабской литературе,

но он дает возможность следить и за фоном, на котором эта литература растет.

Оживление истории арабской литературы обязано не только интенсивному участию отдельных европейских стран, но в еще большей мере постепенному вхождению в эту работу арабских ученых. За последние десятилетия оно приняло систематический характер и теперь распространяется на все области, более или менее стремясь применить методы европейской науки. Если раньше каталоги рукописей в арабских городах представляли редкость, то теперь мы получаем их все чаще и чаще, благодаря трудам местных ученых: достаточно назвать работу Cheikho по библиотеке университета в Бейруте, Дāūда Челебī по библиотеке Мосула, трехтомный каталог коллекции Сбāта в Каире. Издание классических произведений приобретает планомерный характер: впереди идет Египетская библиотека в Каире как по количеству своих изданий, так и по их изяществу и соответствию требованиям текстуальной критики. В Хайдерабаде в Индии создается особая организация, ставящая задачей подготовку и издание крупных, часто многотомных трудов, хотя сильно уступающих по качеству выполнения египетским, но дающих историку новый, иногда неожиданный материал. Арабы создают и справочные пособия, отвечающие насущной потребности: библиографический словарь Серкиса своевременно дополняет труд Broskelmann'a, история арабской журналистики Таррāзи оказывается одним из основных пособий по новоарабской литературе вообще. Выпускаются монографии об отдельных авторах классического и нового периода, иногда целыми, удачно задуманными сериями, как в Бейруте Фū'адом аль-Бустāни. Не все арабские страны принимают одинаковое участие в этом движении; во главе стоят, как и следовало ожидать, Египет и Сирия; но если в них мы видим целые солидные группы ученых, то и в Месопотамии и в Тунисе отдельные работники сравнялись с европейскими. Нельзя забыть того, что багдадец открыл и издал считавшийся утраченным для науки первый арабский словарь ал-Халиля.

Участие арабских стран в работе над памятниками арабской литературы стало настолько интенсивным в наши дни, что в некоторых областях гегемония переходит к ним от Запада. С определенностью это можно сказать об издании текстов; неудивительно, что такая известная в нашей области серия, как Gibb Memorial, выпускаемая в Лондоне, большинство томов с арабским текстом печатает в Каире. Но и в области исследований арабы часто опережают европейских ученых: работая лет 5 тому назад над произведениями крупнейшего арабского философа-поэта Абū-л-'Алā, я убедился, что наиболее интересные мысли о нем за последние двадцать лет высказаны не на Западе, а на Востоке, не в Европе, а в Африке — египетским ученым Тāхā Хусейном.

Грани стерты, Запад и Восток слились в науку, нет арабов и европейцев; над историей литературы и там и здесь работают арабисты, работа ширится и кипит. Какое же место в этой работе занимает наша страна?

Надо признать, что в некоторых отдельных областях мы имеем большие успехи: мы дали толчок изучению новой литературы, что всеми признано и засвидетельствовано печатно, мы выпустили ряд изданий, которые западная и арабская наука достойно оценила, но нам надо еще более упорно работать, чтобы сохранить достойное положение и перейти на арену международных предприятий в области арабистики, где мы можем показать себя во весь рост.

Наши материалы по истории старой феодальной литературы и письменности настолько богаты и неисчерпаемы, что мы в любой момент можем принять участие в мировой разработке отдельных областей, если только будет на это доброе желание, если будет сознание всей важности этого дела для общей культуры. Именно на нас лежит великий долг исполнения особых задач, связанных с нашей страной, решения которых ждет от нас мировая наука, которые никем не могут быть выполнены так хорошо, как нами. Но жизнь не ждет, и наука требует ответа; если мы будем слишком медлить, задачи будут решены другими, перейдут в другие руки, как случилось с изучением новой арабской литературы.

На одном из первых мест я бы поставил описание арабских рукописей нашего Союза. Достаточно сказать, что в одном Ленинграде можно насчитать до 10 000 неописанных арабских сочинений, которые в лучшем случае имеют суммарный index, часто не вошли даже в него. На каждом шагу по всем областям письменности здесь можно делать открытия, которые не попали еще в обиход нашей науки и лежат мертвым капиталом. Но это только начало. Если собрания Москвы вообще бедны арабскими рукописями, то другие центры количественно может быть даже превосходят Ленинград. Достаточно вспомнить Казань, на рукописи которой не обращали внимания с 50-х годов. Между тем, за последние 20 лет там объединен ряд библиотек медресе и отдельных собраний; даже краткое упоминание одних названий часто дает возможность предвидеть, какая богатая жатва здесь будет. Те же слова можно применить и к Средней Азии и к Кавказу, где работа, как мы может быть услышим на сессии, частично начата. Нужно ее усилить и расширить — это работа долгих лет и многих лиц; надо показать, что мы умеем ценить наши сокровища и умеем их научно исследовать; нельзя ждать, что и эта работа будет сделана не нами.

Второй нашей задачей я считаю научное монографическое исследование арабских источников для истории восточной Европы и как венце его — составление полного свода. Задача не нова и возникала не раз; к ней подходили с момента создания научной арабистики в России больше ста лет тому назад. Тогда она казалась проще и яснее; теперь она настолько разрослась в связи с изучением истории народов СССР, научные требования настолько усложнились, что, несмотря на неоднократные попытки, наладить ее как следует до сих пор не удается, частью за отсутствием подготовленных работников, частью за невозможностью для них целиком отдаться

этой задаче. Теперь необходимо уже привлечь материалы не только древнего периода, но и более нового времени, вплоть до XX в. И здесь придется с грустью констатировать, что даже то произведение, которое, казалось бы, должно составить предмет нашего неотъемлемого изучения — путешествие Макария Антиохийского в Россию XVII в. — памятник единственный в своем роде — издается не у нас, а во Франции, издается не нашим ученым, а румынским, издается без привлечения наших рукописей и, смею думать, хуже, чем сделали бы это мы. Но наука не ждет, говорил я, ей нужны ответы на запросы, и всякое промедление наказывается.

Если первые задачи, лежащие на нашей арабистике, ясны и неоднократно ставились, то третья начинает обрисовываться в самое последнее время, и ее контуры только слегка намечаются — это изучение той арабской литературы и письменности, которая была распространена среди народов СССР и часто создана ими непосредственно. Целый ряд крупных деятелей, писавших по-арабски, вышел из этой среды: достаточно вспомнить турка ал-Фараби, одного из крупнейших арабских философов, выдающегося ученого, уроженца Хивы иранца ал-Бируни, кодификатора арабской риторики турка-хивинца ас-Секкаки. Изучение творчества таких выдающихся единиц входит, конечно, в общую историю арабской литературы, но изучение обычной ходовой литературы в этих странах позволяет решить не менее важную задачу. Анализ школьной традиции и состава обычных шаблонных произведений позволит осветить те пути и каналы, которыми просачивалось и питалось влияние арабско-мусульманской культуры в соответствующих странах. Несомненно, что на всем протяжении территории, подвергшейся влиянию ислама, общий тип нивелирующей культуры был одинаков, но так же несомненно, что каждая страна вносила свои специфические особенности. Все эти вопросы не выяснены и даже не намечены; только путем детального анализа можно приблизиться к их разрешению, и, конечно, те ученые, которые живут в странах, бывших носительницами этой культуры, более других обязаны принять участие в работе. По каждой из наших областей надо создать такой труд, какой существует для освещения роли уроженцев Боснии и Герцеговины в арабско-турецкой литературе. Остается еще третий, быть может, наиболее важный аспект этой же задачи. В странах, куда проникал арабский язык и культура, местными уроженцами создавалась не только традиционная схоластическая письменность на арабском языке, но иногда возникали оригинальные произведения, органически связанные с краем, которые интересны и как литература и как документальный исторический источник. Так было и в Татарии и Башкирии, где целый ряд местных хроник и даже литературных произведений писался на арабском языке еще в начале XX в., в более усиленной степени так было на Кавказе. В целом ряде областей, так, например, в Дагестане, Чечне, Ингушетии, арабский язык почти до 20-х годов нашего столетия служил основным литературным. Бывали моменты, когда количество произведений на нем возрастало чрез-

вычайно — достаточно вспомнить все движение мюридизма, всю эпоху Шамиля. Она отразилась не только в документах, не только в приказах и письмах, но и в настоящих литературных произведениях на арабском языке — в целых поэмах, воспоминаниях, хрониках. Все это полностью не исследовано и не учтено, еле-еле начинает приводиться в известность, отдельными крохами публиковаться. Для истории получается здесь перво-классный свежий, живой материал, но и арабская литература выигрывает не меньше. Несомненно, что при настоящем историко-литературном анализе этой области мы получим новую главу общей истории арабской литературы, главу оригинальную и насыщенную содержанием, не только никем не написанную, но никем даже не задуманную. Задача важная и достойная и с ней тоже медлить нельзя.

Два вывода вырисовываются у меня из всего изложения. Прежде всего, нельзя работать в отрыве от мировой науки. Наш арабист в каждый данный момент должен быть осведомлен о том, что делается и на Западе и на Востоке.

Между тем задачи, стоящие перед нашим арабистом, больше и сложнее, чем перед его западными коллегами. Советский арабист должен иметь свое лицо и должен уметь с достоинством высказать свое мнение по всем вопросам, волнующим науку в данный момент. Он должен подкреплять свое мнение всей полнотой научных выводов современности, быть в них полным хозяином. Иначе голос его прозвучит слабо и только уронит его престиж и, что хуже, уронит престиж не только его одного. Но этого мало, — на советском арабисте лежит долг участия не только в разработке обще-литературных вопросов; именно он должен осветить те области арабской письменности, которые связаны непосредственно с СССР. Задача эта еще более трудная, уже потому, что она не только не разработана, но часто и не осознана. Здесь все время надо идти по целине, не только намечать пути, прокладывая дорогу, прорубая лес, но и выработать технику, выяснять массу возникающих проблем.

В связи с этим ясен и второй вывод. Для всех намеченных работ нужны специально подготовленные люди и притом не в таком количестве, которым мы располагаем теперь; иначе положение останется прежним, и мы окажемся за бортом движения науки. Для подготовки таких людей прежде всего необходимо сознание, что они нужны, как нужна та область, которой они занимаются; все остальное тогда удастся осуществить. Подготовка их, конечно, сложна и длительна; к этому надо быть готовым. Однако крупный почин уже сделан: два года тому назад Ленинградский институт философии, лингвистики и истории с восстановлением кафедры семитических языков возобновил прерванное почти на десять лет самостоятельное научное преподавание арабского языка, возобновил на широкой семитологической базе с четырехлетним курсом истории арабской литературы в таком масштабе, как раньше не практиковалось. Но это лишь первый шаг: специальности, нужные нам в Союзе, настолько разнообразны

и настолько сложны, настолько мало разработаны, что подготовить к ним в течение хотя бы пятилетнего курса высшего учебного заведения невозможно. По окончании его необходима особая специализация с учетом всех потребностей нашей арабистики в области литературы, с установлением комплекса всех смежных областей, нужных для овладения специальностью, с предвидением трудностей, которые встретятся в никем совершенно не исследованных сферах. Подготовка нужна длительная и трудная, так как нам надо решать те задачи, которые стоят в СССР перед историками арабской литературы. Задачи великие, но достойные, и в такой же мере они достойны нашей великой страны.

Ленинград
8 июня 1935 г.